Наша Газета
nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Андрей Зорин: «Толстой и свобода» | Andreï Zorine : « Tolstoï et la liberté »

Автор: NG, Женева , 20.11.2019.

Андрей Зорин в гостях у Русского кружка Женевского университета (с) Nashagazeta.ch

Наша Газета продолжает знакомить вас с самыми интересными лекциями нашего партнера – Русского кружка при Женевском университете. Мы уверены, что рассказ профессора Андрея Леонидовича Зорина заинтересует гораздо более широкий круг любителей русской литературы, чем тот, что смогла вместить аудитория, даже если

на этот раз она была почти полной.

|

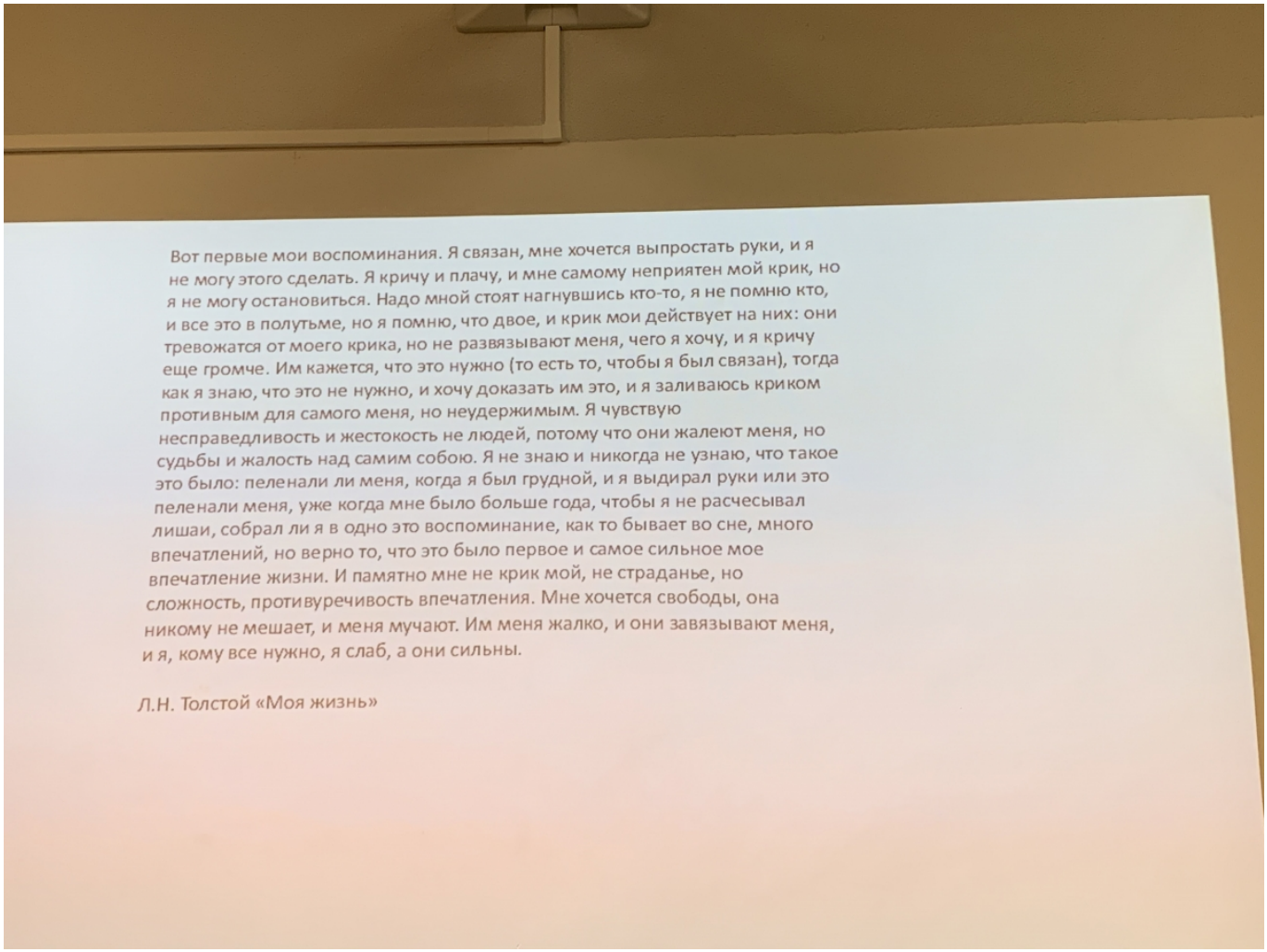
Nasha Gazeta continue la série des publications qui reflète certaines des conférences présentées au Cercle russe de l’Université de Genève, notre partenaire privilégié de longue date. Cette fois la salle a été pratiquement pleine, une chose rare.

Andreï Zorine : « Tolstoï et la liberté »

Андрей Зорин – профессор Оксфордского университета и Московской школы социально-экономических наук (Шанинка), а также приглашенный профессор еще целого ряда престижных вузов. Специалист по истории русской литературы и культуры XVIII – XIX вв. он написал множество книг, среди которых отметим «Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001) и «Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII–начала XIX века» (2016, премия «Просветитель просветителей» за 2016 год).

Обращаясь к аудитории, профессор Зорин, по всей видимости, подразумевал, что перед ним сидят люди подготовленные, имеющие представление о жизни и творчестве Льва Толстого, а потому обстановка сразу воцарилась спокойно-доверительная, словно группа старых знакомых беседовала об еще одном общем знакомом, в зале отсутствовавшем. Лекция касалась не разбора того или иного художественного произведения, но личной философии писателя, пережившего за свой долгий век несколько глубинных духовных трансформаций, неоднократно менявшего свои представления о религии и церкви, войне и мире, любви и семье, нации и патриотизме, но никогда – о свободе.

Андрей Леонидович оттолкнулся от даты 5 мая 1878: именно в этой день почти 50-летний Толстой, задумывавшийся над разными вариантами автобиографии, сделал наброски под названием «Моя жизнь», представляющие собой фрагменты из детских впечатлений писателя. Профессор Зорин процитировал первый кусок этого текста, сделав вывод, что самым первым впечатлением жизни для Толстого было чувство несвободы физической, ограниченной пеленками.



Вот первые мои воспоминания. Я связан, мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать. Я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик, но я не могу остановиться. Надо мной стоят нагнувшись кто-то, я не помню кто, и все это в полутьме, но я помню, что двое, и крик мои действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Им кажется, что это нужно (то есть то, чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком противным для самого меня, но неудержимым. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалеют меня, но судьбы и жалость над самим собою. Я не знаю и никогда не узнаю, что такое это было: пеленали ли меня, когда я был грудной, и я выдирал руки или это пеленали меня, уже когда мне было больше года, чтобы я не расчесывал лишаи, собрал ли я в одно это воспоминание, как то бывает во сне, много впечатлений, но верно то, что это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страданье, но сложность, противуречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и меня мучают. Им меня жалко, и они завязывают меня, и я, кому все нужно, я слаб, а они сильны.

Л.Н. Толстой «Моя жизнь»

«Возможно, самое существенное здесь то, что связывающие его любят и делают это из добрых намерений, их жестокость — это жестокость заботы. Происходит подавление личности чужой заботой и беспокойством за твое благополучие. Это опека и давление, из-под которых надо вырваться. Это же бесконечное чувство собственной слабости в мире, который проявляет свое беспокойство о тебе, связывая и не давая тебе шелохнуться», - так трактовал этот пассаж профессор Зорин.

Из дальнейшей лекции стало очевидно, насколько сильный след это первое впечатление оставило на писателя, восстававшего против любых проявлений «опеки», хоть как-то посягавших на его личное пространство, на его свободу. Постепенно это неприятие личных ограничений переросло, по словам профессора Зорина, «в категорическое непризнание любой власти, мучающей человека. В том числе и власти, продиктованной и мотивирующей себя заботой о человеке. Власти, из объятий которой невозможно вырваться».

Читатели знают, конечно, о созданной Львом Толстым в Ясной Поляне в 1850-х годах школе, в которой он сам преподавал крестьянским детям. Однако многие удивятся, узнав, насколько категорично он противопоставлял образование («вещь легитимная, правильная и нужная людям, основанная на потребности одного человека свободно делиться своими знаниями, а другого — свободно их получать») воспитанию («насилие над личностью). Логика Толстого, кратко изложенная профессором Зориным, на первый ряд проста: ученик – это сознательная личность, человек, который сам знает, чему ему надо и чему он хочет учиться, воспитуемый же находится под властью воспитателя, считающего, что он имеет право учить другого.

Мы сомневаемся, что те из наших читателей, кто имеют опыт воспитания собственных детей, разделят убеждения на этот счет Льва Толстого, сформулированные в отрывке из его статьи «Воспитание и образование», процитированном Андреем Леонидовичем.

Преподавание и учение суть средства образования, когда они свободны, и средства воспитания, когда учение насильственно и когда преподавание исключительно, то есть преподаются только те предметы, которые воспитатель считает нужными. Истина ясна и инстинктивно сказывается каждому. Сколько бы мы ни старались сливать раздельное и подразделять неразделимое и подделывать мысль под порядок существующих вещей - истина очевидна.

Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим; а образование есть свободное отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого - сообщать уже приобретенное им. <...>

Воспитание есть возведенное в принцип стремление к нравственному деспотизму. Воспитание есть, я не скажу выражение дурной стороны человеческой природы, но явление, доказывающее неразвитость человеческой мысли и потому не могущее быть положенным основанием разумной человеческой деятельности - науки. <...>

Мне не хочется доказывать то, что я раз уже доказывал, и то, что слишком легко доказать, что воспитание, как умышленное формирование людей по известным образцам, - не плодотворно, не законно и не возможно.

Здесь я ограничусь одним вопросом. Права воспитания не существует. Я не признаю его, не признает, не признавало и не будет признавать его все воспитываемое молодое поколение, всегда и везде возмущающееся против насилия воспитания.

Л.Н. Толстой «Воспитание и образование»

Лев Николаевич пережил посягательство на личную свободу не только в младенческом возрасте, не имея возможности высвободиться из пеленок. Профессор Зорин напомнил об обыске, имевшим место в отсутствие писателя в его усадьбе летом 1862 года. Ничего противозаконного не нашли, но прочитали дневники, испугали престарелую тетю, зачем-то полезли в пруд... Факт вторжения в его дом, прикосновения к его личным вещам возмутил и оскорбил Толстого настолько, что, рассказал профессор Зорин, впоследствии он написал своей двоюродной сестре Александре Андреевне Толстой: «Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то верно бы уже судился, как убийца». Более того, именно тогда его посещает мысль оставить Россию. «Но вместо отъезда из России он запирается в Ясной Поляне, вновь начинает писать свою главную прозу – роман «Война и мир» — и здесь сталкивается с фундаментальной исторической проблемой. Он пишет роман о войне, но возможна ли война без государственной власти?».

К тому моменту Лев Толстой еще на занял пацифистскую позицию, «он признает, что вооруженное сопротивление захватчикам — это природная, естественная человеческая реакция», а весь роман, в котором создана утопия нации как единства дворянства и крестьянства, полон сильных патриотических чувств. Однако уже на следующем этапе своей писательской карьеры Толстой теряет веру в это единство –

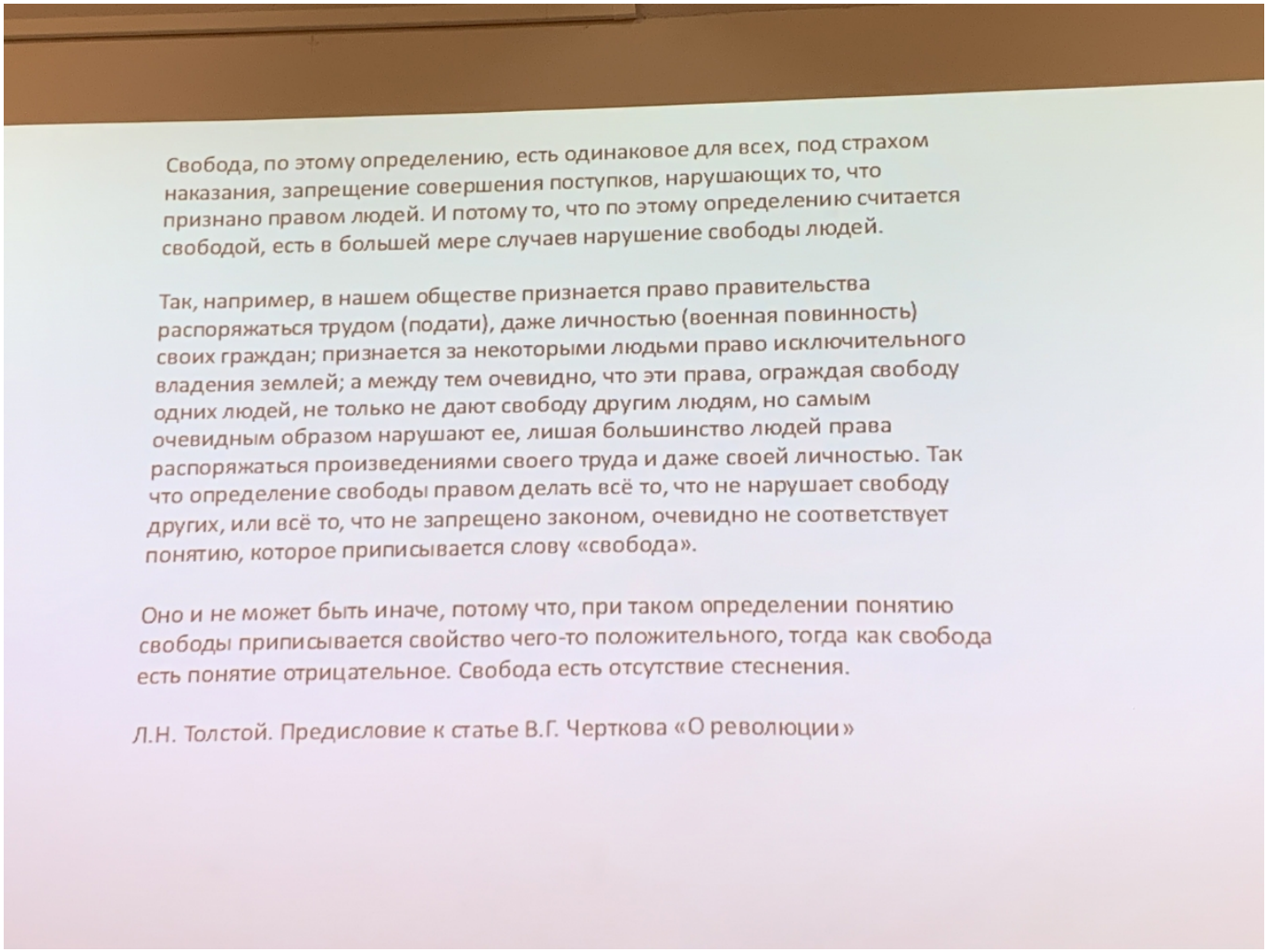
«власть перестает быть даже внешним выражением глубинной воли народа и оказывается только институтом тотального насилия».Историю Лев Николаевич вообще не любил, считая ее чередой убийств, грабежей и прочих актов насилия. «Пока люди живут нормальной жизнью, никакой истории нет», - считал он. В качестве иллюстрации к этому тезису А. Зорин привел фрагмент из романа «Война и мир»: эпизод встречи Пьера Безухова и Наташи Ростовой, где Пьер с горечью говорит о смерти Элен и вспоминает о тяжелом чувстве, с которым он воспринял это известие. При этом несколькими страницами выше написано, как Пьер одним месяцем жизни раньше ворочался в постели, вспоминал, что жены его уже нет и говорил себе: «Господи, как хорошо!».

Профессор Андрей Зорин (с) Nashagazeta.ch

«Что произошло? Он обманывает Наташу? Конечно, нет. Он ничего уже не помнит. Он

не помнит, что он чувствовал месяц назад, потому что он другой человек. Его собственный жизненный опыт потерял над ним власть. Он стал другим», - полагает профессор Зорин, делая вывод, что в толстовской психологии поступки и мысли человека не определяются его характером и его прошлым, связывая эту идею с чувством свободы и заключая: Человек не детерминирован даже собой лично.

Может показаться странным, что, по Толстому, правовое государство (не деспотическое и заботящееся о своих гражданах) в каком-то смысле даже опасней деспотического, а в выкладках первых революционеров его не устраивает идея, что на месте разрушенного государства можно построить какое-нибудь другое, а насилие можно использовать для улучшения общественного строя.



Свобода, по этому определению, есть одинаковое для всех, под страхом наказания, запрещение совершения поступков, нарушающих то, что признано правом людей. И потому то, что по этому определению считается свободой, есть в большей мере случаев нарушение свободы людей.

Так, например, в нашем обществе признается право правительства распоряжаться трудом (подати), даже личностью (военная повинность) своих граждан; признается за некоторыми людьми право исключительного владения землей; а между тем очевидно, что эти права, ограждая свободу одних людей, не только не дают свободу другим людям, но самым очевидным образом нарушают ее, лишая большинство людей права распоряжаться произведениями своего труда и даже своей личностью. Так что определение свободы правом делать всё то, что не нарушает свободу других, или всё то, что не запрещено законом, очевидно не соответствует понятию, которое приписывается слову «свобода».

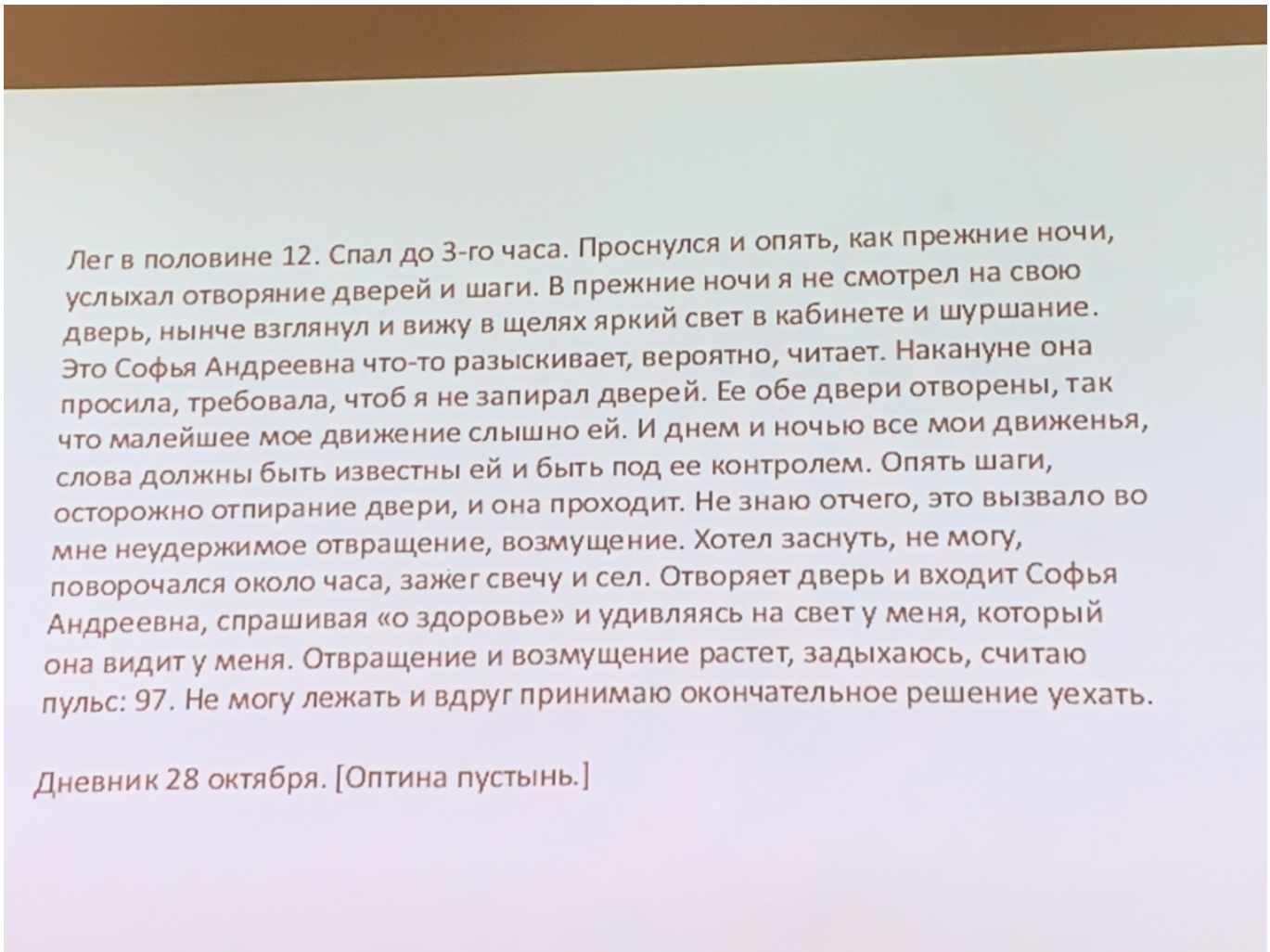
Оно и не может быть иначе, потому что, при таком определении понятию свободы приписывается свойство чего-то положительного, тогда как свобода есть понятие отрицательное. Свобода есть отсутствие стеснения.

Л.Н. Толстой. Предисловие к статье В.Г. Черткова «О революции»

Выходит, что законодательно обеспеченная свобода невозможна, потому что она может быть гарантирована только институтами насилия. А отсюда вытекает и толстовская философия ненасилия: добровольный отказ от собственности, от сословных привилегий. Даже детей лучше не иметь, потому что приходится заботиться об их будущем.

Что же сделать человеку, чтобы чувствовать себя свободным в условиях этого гигантского неравенства «я слаб, а они сильны»? По мнению Толстого, выход – в отказе и уходе. «Человек становится свободен в тот момент, когда он отвергает что-то, прежде имевшее над ним власть. Биографию Толстого можно трактовать как историю бесконечных отказов, не всегда, впрочем, оказывавшихся окончательными. Порой сила инерции возвращала его назад: к литературе, педагогике, семья…

Толстой уходил из дома и возвращался снова», - пояснил профессор Зорин, процитировав запись Льва Николаевича по поводу обстоятельств его окончательного ухода из дома 28 октября 1908 года.



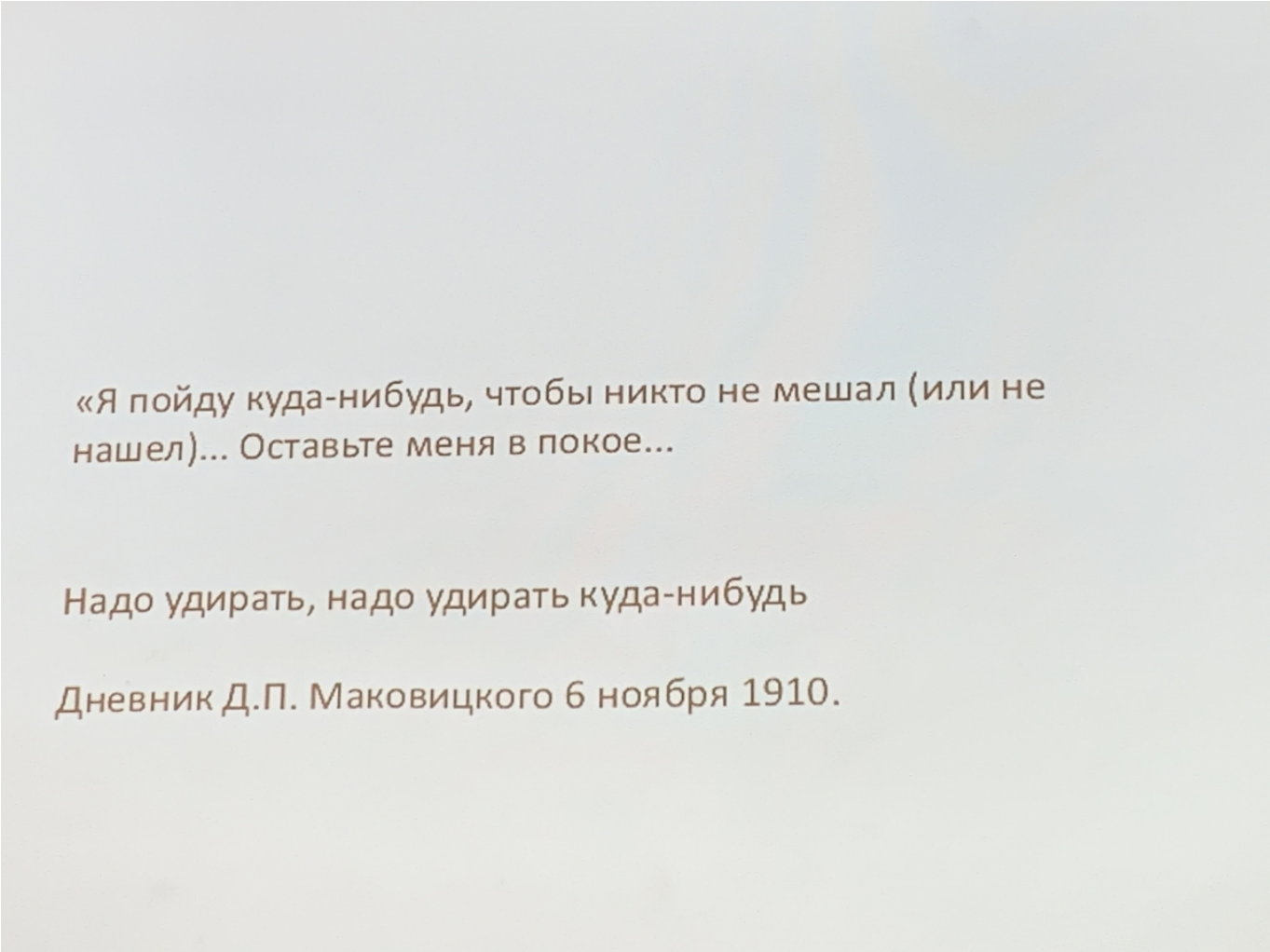
Лег в половине 12. Спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услыхал отворяние дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она просила, требовала, чтоб я не запирал дверей. Ее обе двери отворены, так что малейшее мое движение слышно ей. И днем и ночью все мои движенья, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, осторожно отпирание двери, и она проходит. Не знаю отчего, это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяет дверь и входит Софья Андреевна, спрашивая «о здоровье» и удивляясь на свет у меня, который она видит у меня. Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать.

Дневник 28 октября. [Оптина пустынь.]

То есть вторжение в «его пространство» жены также неприемлемо для Толстого, как вторжение сыщиков во время обыска в 1862 году и как попытка его «спеленать», то есть ограничить свободу под видом опеки и любви. Он принимает решение уйти.

Большое впечатление на слушателей произвел рассказ профессора Зорина о последних мгновениях жизни Л. Н. Толстого, желавшего умереть в сознании и настойчиво просившего не делать ему наркотических уколов. Однако его не послушали и сделали уколы морфина и камфоры для предотвращения остановки сердца.

Последние слова Толстого зафиксированы в «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого: «Я пойду куда-нибудь, чтобы никто не мешал (или не нашел)... Оставьте меня в покое... » И самое последнее: «Надо удирать, надо удирать куда-нибудь».
Думаем, нам всем есть, о чем задуматься.



русская литература в Швейцарии
памятники культуры
достопримечательности швейцарии

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/andrey-zorin-tolstoy-i-svoboda